

УДК 304.9

DOI: 10.37279/2413-1695-2024-11-2-98-113

РАДИКАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И КРИЗИС УЛЬТРАМОДЕРНА

Шепелев М. А.

Аннотация: В статье обосновывается тезис о том, что цивилизация Модерна является идеологической, доминирующей в ней идеологией является либерализм, а развитие этой цивилизации в целом определяется развитием либерализма, который в последней трети XX в. вступил в стадию радикального либерализма (ультралиберализма). Глобальная и тотальная экспансия ультралиберализма составляет сущность эпохи Ультрамодерна. Ультрамодерн есть доведение «проекта» Модерна до логического завершения, до исторического предела и самоотрицания, также как и ультралиберализм в качестве доминирующей идеологии эпохи Ультрамодерна означает доведение до крайности постулатов и устремлений классического либерализма. Кризис Ультрамодерна – это важнейший симптом исчерпания всего проекта Модерна, т.е. современной (либеральной, западоцентричной, капиталистической, талассократической, секулярной) цивилизации.

Ключевые слова: идеология, идеологическая цивилизация Модерна, либерализм, радикальный либерализм (ультралиберализм), Ультрамодерн, Запад.

Рождение Современности характеризуется тем, что вследствие процессов секуляризации место религии как главного регулятора общественной жизни заняла идеология. В этом и заключается принципиальное отличие двух типов обществ, что люди Традиции мыслили религиозными категориями, тогда как люди Модерна мыслят идеологическими. В этом смысле цивилизация Модерна есть идеологическая цивилизация. Под идеологией понимается порождающая определенную общественную практику секулярная система взглядов, ценностей, побуждений, возникающая на основе некой «идеи», которая возникает и развивается в интеллектуальной среде и выливается в массовые общественные движения, создавая особый тип идентичности социальных общностей.

Рассмотрение современной цивилизации, изначально сложившейся на Западе, в качестве идеологической цивилизации Модерна, позволяет выявить определённые закономерности её развития, определяющиеся прежде всего развитием доминирующей идеологии – либерализма. В сущности, именно раскрытие логики развития доминирующей в рамках цивилизации Модерна идеологии – это ключ к пониманию логики развития всей этой цивилизации и её нынешнего состояния. В этом качестве выступает именно либерализм, тогда как все остальные идеологии существовали и развивались прежде всего в полемике с ним как доминирующей идеологией, воплощающей в себе её основные ценности и определившей направленность её развития. Понимание логики развития либерализма имеет исключительно важное значение для понимания характера и направленности раз-

вития современного мира. Данная проблема, изучение которой и является целью данной статьи, стала предметом не только научного и философского осмысления, но и находится ныне в центре мирового публичного дискурса, что наглядно показало интервью Александра Дугина американскому журналисту Такеру Карлсону и его международный резонанс.

По сути, либерализм есть идеологическое обоснование самого «проекта» Модерна, его принципов, содержания, средств и методов осуществления. Корни либерализма (если не учитывать глубинные античные его истоки – Сократа, Эпикура и Цицерона) восходят к Ренессансу, утвердившему господство антропоцентризма и гуманизма, Реформации, прославлявшей права и свободы человека, и ньютоновской научной революции. Складывание классического либерального дискурса относится к эпохе буржуазных революций, главным образом Английской революции. Следом за ней война за независимость британских колоний в Северной Америке привела к возникновению первой нации, изначально разработавшей конституцию на основе либерализма.

Интересная аргументация в пользу того, что доминирование либерализма во всех основных сферах жизни западного общества предопределило его культурно-цивилизационные особенности, сформировав единый «либеральный стиль», придающий своеобразие современному Западу, содержится в следующем тезисе П. Розанваллона: «Одна и та же культура обнаруживается в итоге в основании “экономического либерализма”, отсылающего к рынку, “политического либерализма”, утверждающего приоритет прав человека, и “морального либерализма”, который делает человека единственным судьей своих действий. Отделяя власть от общественного мнения, государство от общества, частное от публичного, индивидуальную мораль от правил общественной жизни, грех от преступления, эти “три либерализма” способствовали выработке новых форм социальных отношений» [1, с. 31]. Тем самым он доказывает, что либерализм – это и есть действующая в современном мире культура.

Особенно следует подчеркнуть, что понимание логики исторического развития либерализма как доминирующей идеологии столь же важно для изучения цивилизации Модерна, как для любого исследования по исламской цивилизации важно понимание логики развития ислама, а работы по истории конфуцианской цивилизации подразумевают прежде всего изучение истории самого конфуцианства. Выглядит несколько странно, когда этот подход, который мы считаем само собой разумеющимся в исследовании традиционных обществ, не применяется к изучению общества современного – с поправкой на то, что в роли его главного регулятора выступает уже не религия, а идеология («эрзац-религия»), что и доказывает необходимость его изучения сквозь призму истории и логики функционирования и развития идеологии.

Развитие либеральной идеологии прошло три основные (оставляя за пределами этой схемы восходящие к Античности истоки либерализма) стадии – классическую, реформистскую и радикальную. Именно радикальный либерализм (ультралиберализм) доминирует с последней трети XX в. до настоящего времени. Книги Л. фон Мизеса «Человеческая деятельность», Ф. фон Хайека «Дорога к рабству», «Конституция свободы» и «Право, законодательство и свобода», А. Дж. Нока «Наш враг – государство», М. Ротбарда

«К новой свободе», Р. Нозика «Анархия, государство и утопия», М. Фридмена «Капитализм и свобода», очерки Айн Рэнд по политической философии и др. определили содержание идеологической парадигмы ультралиберализма, которые в значительной степени заново сформулировали и переосмыслили закон Г. Спенсера о равной свободе: люди имеют право делать все, что хотят, если они уважают равные права других.

Ультралиберализм руководствуется убеждением, что человек сам должен распоряжаться своей жизнью и имуществом и имеет право самостоятельно решать, как ему жить, при условии, что он признаёт такое же право за другими людьми. Вместе с тем он отошёл от классической либеральной трактовки человека как совершенного по своей природе существа, заявив о необходимости «улучшения» человеческих качеств. Полемизируя с Улофом Пальме, Ф. фон Хайек говорил в 1984 г., что для существования рыночной экономики нужно, чтобы люди освободились от некоторых природных, врождённых инстинктов, среди которых он выделил инстинкт солидарности и сострадания. В этом проявился весь масштаб претензии на величие проекта ультралиберализма: превратить человека в новый биологический вид.

Собственно возникновение ультралиберализма (в форме либертарианства) относится к более раннему, межвоенному периоду, что было обусловлено исключительными успехами социалистических и популистских движений: их мощное воздействие на трансформацию либерализма (как и консерватизма) вызвало серьезное беспокойство в кругах последовательных приверженцев либеральных ценностей в их классическом понимании, способствуя заметной радикализации идеологических установок либералов (в чём-то это напоминает логику возникшего из движения «Консервативной революции» радикального консерватизма). Однако в изменившейся идеологической ситуации такая приверженность ортодоксальному либеральному тезаурусу не могла не рассматриваться уже как проявление радикализма, что также оправдывает применение по отношению к воззрениям той части либерального сообщества, которые не пошли по пути реформирования либерализма, термина «ультралиберализм». Представления, выглядевшие естественными в глазах европейского буржуа XIX в., уже столетия спустя стали восприниматься как крайности.

Радикальный либерализм (ультралиберализм) вышел на идеологическую авансцену под лозунгами минимального вмешательства государства как в экономическую жизнь, так и вообще в жизнь людей во всех их проявлениях, приняв на вооружение требование всеобщей и максимальной свободы. С точки зрения ультралибералов, государство в конечном итоге – это зло, а раз так, то оно должно минимально вмешиваться в сферу деятельности людей. Это находит свое выражение в первую очередь в двух областях: духовной (в виде религиозной независимости) и материальной (в виде экономической независимости). Благополучной считается та ситуация, когда гражданское общество играет активную роль в процессе общественного развития, а государство – пассивную.

Критика всяких поползновений к эволюции либерализма в сторону сближения с социализмом – вот тот общий знаменатель, который объединяет ультралибералов. Такая эволюция, как они полагают, неизбежно приведет к завершённому государственно-патернализму коммунистического типа. Именно в США, изначально возникших как

либеральное государство, первые слабые поползновения в сторону социализма вызвали мощную ультралиберальную реакцию. Она была аналогична по своей роли ультраконсервативной реакции в Европе. Отчасти этим объясняется характерная для США путаница в содержании понятий «либерализм» и «консерватизм». Здесь основные идеи либерализма были реализованы ещё в XVIII в., так что их защита и углубление естественно воспринимались как консервативная позиция. Объективно же она является ультралиберальной. Это подтверждается хотя бы убежденностью её сторонников в том, что власть есть зло, возможно, необходимость, но необходимость губительная. Такая позиция неприемлема для консерватизма в любой разновидности.

Исходя из этого, ультралибералы крайне критически восприняли не только социал-демократические программы, но и весьма умеренные реформы типа «нового курса» Ф.Д. Рузвельта, и вообще всё, что усиливало позиции государственной власти по отношению к пространству частной инициативы. Для них несомненно, что репрессивный характер правительства проистекает из его стремления вместо самих людей определять их цели и задачи. Примером подобного перерождения власти для них были попытки многих либерал-реформистских правительств вмешаться в социально-экономические отношения под лозунгом утверждения социальной справедливости. Не удивительно, что известный американский журналист и литературный критик Г.Л. Менкен говорил, что его идеалом является «правительство, балансирующее на грани того, чтобы вообще не быть правительством».

Именно в либерал-реформистской атмосфере «нового курса» в ходе работы коллоквиума американского журналиста и политического деятеля Уолтера Липпмана сложилась группа либеральных интеллектуалов, принципиально вернувшаяся к некоторым решениям XIX в. А уже после Второй мировой войны в кругах радикальных либералов победила позиция австрийского экономиста и философа Фридриха фон Хайека, считавшего, что кризис, с которым столкнулись развитые страны Запада в 30–40-е гг., был обусловлен отходом от принципов либерализма, активным вмешательством государства в общественную и экономическую сферы. Кем только ни называли Хайека – и «неоконсерватором», и «неолибералом» – на самом же деле его позиция была последовательно радикально-либеральной, или ультралиберальной. «Чем больше я узнаю об эволюции идей, тем сильнее уверяюсь в том, что являюсь просто-напросто неисправимым “старым вигом” – с ударением на “старый”», – заявлял он сам [2].

Растущие амбиции ультралиберализма нашли отражение в книге Р. Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974), где он изложил концепцию «суперминимального государства», предложив аргументы в пользу ограничения государства узкими функциями защиты от насилия, воровства, мошенничества, принуждения к выполнению договоров и т.п. Он считал такое ограничение оправданным, поскольку любое более громоздкое государство будет нарушать право людей на то, чтобы их не принуждали делать определённые вещи. В таком суперминимальном государстве допускается налогообложение, при условии, что все собранные налоги расходуются только на судебную, правоохранительную, оборонную и общую административную деятельность государства. Такого рода минар-

хизм он представлял вдохновляющей и правильной целью на пути к свободе.

Важнейшую роль в создании как теоретической структуры современного ультралиберализма, так и соответствующего политического движения, сыграл Мюррей Ротбард, за что о нём говорили как о Марксе и Ленине в одном лице. Он и его школа «анархо-капитализма» занимают наиболее жёстко-негативную позицию по отношению к государству. Они отрицают государство как несправедливого монополиста и выступают против его финансирования через налоги и сборы, а также вообще против любого вмешательства государства в суверенные вопросы личности или предпринимательскую деятельность. Стронники данного воззрения стремятся к обеспечению защиты личной свободы и частной собственности без участия государства, с помощью частных предпринимателей и предприятий (организаций), строящих свою деятельность на мотивах получения прибыли. По их мнению, государство постепенно должно быть заменено рядом частных агентств, субсидируемых на добровольной основе. Идеи, сформулированные Ротбардом, породили волну приватизации в США в 1980-х гг., движение против налогов и движение в поддержку частных органов охраны порядка.

Существующие границы между государствами М. Ротбард считает чисто историческими и произвольными, а необходимость в монопольном правительственном контроле над гражданами одной страны – не большей, чем необходимость в едином правительстве для граждан двух разных стран [3, с. 9]. Он ссылается на то, что хотя отдельные национальные государства и воюют друг с другом, но частным гражданам разных стран, несмотря на сильно различающиеся юридические системы, удастся жить вместе в гармонии без одного общего для них правительства. Если жители севера американского штата Монтана и канадцы, живущие по ту сторону Саскачевана, могут жить и торговать друг с другом без общего правительства, то так же, мол, смогут жить и жители севера и юга Монтаны.

Практическое воплощение некоторые идеи ультралиберализма впервые нашли в политике Консервативной партии Великобритании последней четверти XX в. (тэтчеризм). На волне укрепления позиций ультралиберализма Маргарет Тэтчер в 1968 г. выступила на конференции консервативной партии с докладом, в котором утверждала, что целью правительства должно стать обеспечение условий для конкуренции, регулирования денежного обращения и спроса. После того, как в феврале 1975 г. она была избрана лидером партии, консерваторы отвергают кейнсианство и избирают монетаризм, который оставляет государству только контроль за денежной массой, борьбу с инфляцией, сокращение государственных расходов и налогов. Дальнейшая же экспансия идей ультралиберализма привела к широкому распространению идеи «ограниченного государственного суверенитета», к появлению частных тюрем и частных военных компаний, не говоря уже о продвижении ЛГБТК-повестки (движение запрещено в РФ). В целом же ультралибералы поддерживают максимальное продвижение экономического и культурного либерализма и выступают резко против социального либерализма.

Таким образом, продолжающаяся с 70-х гг. XX в. до настоящего времени эпоха – это эпоха ультралиберализма, или в более широком смысле – эпоха Ультрамодерна (а никак не Постмодерна, как это пытались и пытаются представить сторонники такой версии, на

самом деле являющиеся ни кем иным, как явными или скрытыми ультралибералами). Ультрамодерн есть доведение «проекта» Модерна до логического завершения, до исторического предела и самоотрицания, также как и ультралиберализм в качестве доминирующей идеологии эпохи Ультрамодерна означает доведение до крайности постулатов и устремлений классического либерализма. Доминирование ультралиберализма проявилось, в частности, в содержании такого знакового документа, как Либеральный манифест 1997 г. В нём, например, позитивно оценивается «отход государства от контроля за национальной экономикой и повсеместное осознание того, что в рыночной экономике товар создается более эффективно и распределяется более широко», а также приветствуется «расширение прав сексуальных меньшинств и признание того факта, что гомосексуализм и лесбиянство – законные проявления личных склонностей» (движение ЛГБТ запрещено в РФ).

Замыкая исторический цикл своего развития, либерализм возвратился к истокам своей интеллектуальной традиции, а её основоположником является ни кто иной, как Томас Гоббс, важнейший вклад которого в становление либерализма заключается в том, что, по словам Г. Рормозера, «Гоббс взялся за казалось бы безумное дело: построить мир в обществе на такой политике, которая предпосылкой своей имеет отказ от истины. В этом отношении он является подлинным основателем либерализма, потому что: 1. Государство существует для удовлетворения интересов индивида, а не ради какого-то собственного смысла самого государства; 2. Политика не опирается на истину, а предполагает отказ от решения вопроса об истине» [4, с. 87]. Естественным следствием реализации этого принципа стал отказ от любых преследований людей за их убеждения и вообще от потребности в публичном признании истины, обязательной для всех и однозначно интерпретируемой, поощрения толерантности и прямой конкуренции идей и мнений.

Ультралиберализм в максимальной степени воплотил этот принцип либеральной политики, предписывающей одинаковое «уважение» самых различных представлений о человеческом благе, отрицая право государства не то что ограничивать, но даже выносить публичную оценку этим представлениям и в итоге поставив знак равенства между нормальностью и девиацией, правдой и ложью.

Ультралибералы возвращаются к методологическому индивидуализму в качестве позитивной основы своего мировоззрения, заключающейся в признании того, что познает и действует только индивид. При этом они придерживаются попперовской точки зрения, что рациональное знание не гарантирует достоверности, никто не вправе решать за других, даже демократическими методами. Необходимо обеспечить максимальную индивидуальную свободу, так что хотя люди и будут совершать ошибки, но это будут их ошибки. Ультралибералы рассматривают эту проблему на примере «парадокса» с обязательным социальным страхованием, которое основано на предположении, что индивидуальные решения будут менее разумны, чем решение, принятое коллективно в виде закона. По их мнению, отчисление из доходов индивида в фонды социального страхования лишают его возможности самому использовать эти деньги так, как он сочтет наиболее выгодным. Да, признают они, многие при этом израсходуют эти деньги нерационально и ничего не накопят себе на старость – но это, мол, будет проявлением их свободы выбора, пусть и самоубийственным.

По сути, радикальный либерализм доводит до крайностей классические либеральные постулаты, демонстрируя приверженность идеям крайнего антиэтатизма и неограниченной свободы личности, при этом наделяя широко понимаемые права – от личных свобод до частной собственности – почти полным политическим превосходством над достижением социальных целей (включая борьбу с лишениями и нищетой). Утверждается, что государство не должно вмешиваться в личную жизнь или предпринимательскую деятельность, кроме как для защиты свободы и собственности одних от посягательств других.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в ультралиберальном сознании на смену культу разума пришёл культ невежества. Свобода стала обосновываться не разумностью, а неразумностью человека, совсем в духе известного выражения: «ясность – одна из форм полного тумана». Так, Ф. фон Хайек всегда подчеркивал ключевое значение человеческого невежества. В «Конституции свободы» он доказывал, что аргументы в пользу свободы личности базируются главным образом на признании неизбежного невежества всех нас относительно огромного множества факторов, от которых зависит достижение наших целей и благосостояния. Свобода, по его мнению, важна, чтобы сохранить место для непредвиденного и непредсказуемого. На самом же деле, вырывая человека из мира, ультралиберализм противопоставляет мир этому одинокому иррациональному индивидууму.

Историю радикальный либерализм интерпретирует как состязание между властью общества и властью государства: человек-производитель всегда стремился расширить власть над природой, но другие люди всегда стремились завладеть плодами покорения природы, для чего пытались упрочить политическую власть. Таким образом, оказывается, что власть государства и власть общества – это антагонисты, и первая может существовать только за счёт второй.

Доминирование ультралиберализма обеспечивается его «альянсом» с прежде периферийными и даже маргинальными течениями, такими как радикальный экологизм, феминизм и экофеминизм, движение за права сексуальных меньшинств и т.п. Этому способствует фундаментальная близость их установок. Так, логика защиты прав социальных и национальных меньшинств была распространена на сексуальные меньшинства и т.д. Движение в защиту прав различных форм жизни приняло формы, во многом аналогичные движению за права различных групп людей (права женщин, цветных людей, детей и т.п.). Выдвигаются концепции освобождения животных, идеи отказа от использования животных в науке, для коммерческой и спортивной охоты, для коммерческого сельскохозяйственного разведения. А такое направление, как экофеминизм, подчеркивает связь между господством над женщиной и господством над окружающей природой, утверждая, что и женщины, и природа рассматриваются как бездушные реальности и предметы манипулирования господствующими существами мужского пола.

Полагая недостаточным простое расширение рамок существующей этики на сферу отношений человека и природы, т.н. «глубинные экологи» считают актуальным создание новой этики, основанной на «традиции-не-доминирования-над-природой». Питер Сингер вообще устранил из этики человеческую исключительность и распространил её на все

живые существа – по крайней мере на такие, в случае которых можно всерьез говорить о наличии у них интересов. Некоторые выводы из этики Сингера многим могут показаться, и кажутся, слишком радикальными. Так, легко прийти к выводу, что здоровая собака обладает более развитым полем интересов, чем больной человек с прекращённой деятельностью головного мозга или ребенок, родившийся с тяжким мозговым дефектом, и что раз уж практикуется метод умерщвления в отношении тяжело больных животных, то почему люди должны быть исключением? Либо все, либо никто – такова неумолимая логика Сингера, из-за которой он получил прозвище «профессор Смерть».

Руководствуясь такими соображениями, Питер Сингер и Паола Кавальери (итальянский философ и защитник животных) в 1993 г. основали «Проект высших приматов» с целью предоставить некоторые основные права высшим приматам, которые не являются человеком: жизнь, свободу и запрет пыток. Они считают необходимым признать основные права всех существ, которые обнаруживают интеллект и понимание (в том числе некоторый уровень самоанализа) и у которых есть эмоциональные и общественные потребности.

Появление и распространение такого рода интеллектуальных течений и их «смычка» с ультралиберализмом стали характерными признаками общей радикализации идеологической ситуации в эпоху Ультрамодерна. Хотя помимо предпосылок, коренящихся в логике идеологического процесса, эти течения вызваны к жизни ещё и политическими мотивами – стремлением отвлечь внимание общества от всё более зримых симптомов надлома и упадка, переключив его на периферийные «проблемы» типа гражданских прав для приматов.

Смысл ультралиберального проекта, особенно в его наиболее завершённом виде «анархо-капитализма», заключается в приватизации сферы услуг, предоставляемых государственной властью, в том числе в сфере защиты безопасности граждан и их собственности. В некотором смысле такой проект означает некую версию Нового Средневековья, что подтверждается ссылками главного теоретика «анархо-капитализма» М. Ротбарда на примеры ярмарок в Шампани и в других крупных центрах международной торговли в Средние века, где действовали свободно конкурирующие суды, и люди становились постоянными клиентами тех судов, которые они считали самыми справедливыми и квалифицированными. Можно добавить сюда и существование права феодалов переходить от одного сюзерена к другому, и знаменитый принцип «вассал моего вассала – не мой вассал», и т.п.

Однако такого рода ультралиберальные проекты имеют и обратную сторону. Чтобы понять, в чём она заключается, достаточно вспомнить, что, например, в новейшей интеллектуальной истории Европы идея децентрализации, регионализации и субсидиарности (в т.ч. на основе известной концепции «Европы регионов») стала важным инструментом ослабления национального государства, на которое оказывалось двойное давление – со стороны наднациональных и субнациональных структур. То же самое происходит и в радикальном либерализме: наряду с концепциями, призывающими к максимальному «разгосударствлению», в нём присутствуют и играют свою важную роль основывающиеся

на космополитических установках концепции глобального общества и глобального правления. Отметим, кстати, поскольку выше использовалось сравнение ультралиберального проекта со Средневековьем, что пространственный порядок феодальной Европы как раз предполагал наличие универсального политического и правового пространства (*Respublica Christiana*), в которой структура светской власти воплощалась в Священной Римской империи, а структура духовной власти – в Римско-католической церкви. Внутренние войны, междоусобицы, право на сопротивление не отрицали единства *Respublica Christiana*.

Показательно в этом плане, что в национальном вопросе ультралиберализм выступает как крайняя форма космополитизма, считая самым важным «национальным» признаком людей их принадлежность к человечеству, а все остальные деления – второстепенными. Космополитизм при этом дополняется навязыванием другим народам своих системы ценностей и образа жизни (разумеется, речь прежде всего идет о западном образе жизни, поскольку именно на Западе ультралиберализм занимает наиболее прочные позиции).

Поэтому не удивительным является и то, что в контексте общей радикализации идеологической ситуации последней половины столетия (с конца 60-х гг.) заметной тенденцией трансформации самого либерализма (в форме ультралиберализма) стало его смыкание с таким специфическим течением, как неотроцкизм – одной из версий радикального социализма. Во время «холодной войны» его американские представители, идентифицировавшие сталинизм и СССР как главного врага мировой революции, для борьбы с ним вначале пошли на компромисс с буржуазной демократией (интегрировавшись в Демократическую партию США), а затем двинулись дальше и солидаризовались с республиканцами, став ядром «неоконсерваторов» первого поколения (Норман Подгорец, Ирвинг Кристол, Джеймс Бернхэм и т. д.). На самом деле «неоконы» – вовсе не неоконсерваторы, а революционеры-романтики, видящие в истории пластичный материал для волонтаристски навязываемого преобразовательного проекта. «Неоконы» руководствовались доктринальной убежденностью в том, что мировой революции должна предшествовать стадия полной интернационализации и глобализации. Их платформа соединила троцкистскую установку на перманентную мировую революцию и мессианизм «передового класса» с либерально-космополитической догмой об «универсальных» ценностях свободы, демократии и прав человека. Если Троцкий призывал к перманентной социалистической революции и насаждению социализма и коммунизма, то «неоконы» – к тоже перманентному и насильственному насаждению социальной системы, хотя и другой.

Уже в ходе «культурных войн» 70-х гг. в США неотроцкисты и иные ультралибералы стали активно защищать «права меньшинств», демонизируя «белых гетеросексуальных шовинистов» и «привилегированные европоцентричные элиты». В частности, они стали активно пропагандировать межрасовые сексуальные контакты и легализацию наркотиков, а затем перешли к признанию возможности свободного изменения пола. Сегодняшние они по-прежнему в авангарде глобального движения за «права человека», «толерантность», разрушение традиционного уклада жизни, в чем преуспел в свое время Троцкий.

Таким образом, Ультрамодерн – это исторический этап развития идеологической цивилизации Модерна, характеризующийся доминированием ультралиберализма в эко-

номике, политике, культуре и правосознании. Абсолютизовав логику рынка, Ультрамодерн предстал как тотальный глобальный капитализм, в котором общественная жизнь определяется экономикой, а не политикой – как на уровне отдельных государств, так и на уровне всего мирового сообщества. Его идеологи вообще убеждены, что в будущем рынок, достигнув своей тотальности, сделает ненужным государственную организацию, а «невидимая рука рынка» в конечном итоге заменит собой видимую руку государства. В общем-то это мало чем отличается от коммунистической идеи «отмирания государства» и замены его неким «коммунистическим общественным самоуправлением». Как известно, советские люди к 1980 г. так и не стали жить при коммунизме, вопреки обещаниям Хрущёва, но вот на Западе как раз в 80-е гг. утвердился ультралиберализм, так что с начала 90-х гг., в ходе процессов т.н. «неолиберальной», а на самом деле ультралиберальной глобализации, Ультрамодерн стал оказывать определяющее влияние на остальной мир.

Основные черты Ультрамодерна:

- распространение взгляда на человека как индивидуума, вырванного из конкретного пространственного порядка и противопоставленного ему, замена культа разума «рационально» обоснованным культом невежества, обоснование Свободы не разумностью, а неразумностью человека;

- глобализм в его космополитически-униформистском восприятии, транспарентность, транснационализм и трансгуманизм, отрыв от национальных обществ сформировавшейся транснациональной элиты, приверженной ультралиберальной идеологии и использующей её для укрепления своего господствующего положения;

- провозглашение либерализма в качестве единственного организующего принципа функционирования публичной сферы современного общества, его глобальная экспансия в сочетании со стремлением маргинализировать нелиберальные идейные течения;

- подрыв традиционной религиозности, представляющей квинтэссенцию духовной основы существования и развития человеческой культуры (впервые либерализм не просто позиционирует себя как сила, ставящая себя «вне» и «над» религиозностью, но объявляет себя противником традиционной религиозности, используя навязываемые обществу идеологические установки для развязывания войны с религией как таковой);

- разрушение базисных для человеческой цивилизации этнических, семейных, общинных и других автономных в своей самоценности социальных связей, оставляет человека один на один с разрушительным влиянием на его сознание и идентичность со стороны нового постцивилизационного феномена – глобальной техносферы;

- потеря деньгами свойства быть всеобщим эквивалентом и преобразование их в простой товар, оправдывающее рост капитала независимо от методов и источников, от ущерба, причиненного природе и людям, что не просто «освобождает» мир финансов от зависимости от физической реальности, но уничтожает изначальный смысл экономики как части этики, подрывает экономическую основу свободного и справедливого взаимодействия индивидов, традиционно служившего определяющим фактором развития человеческой цивилизации;

- воплощающее суть доктрины монетаризма, доминирование производства различ-

ных финансовых инструментов над просто производством как таковым, возникновение виртуальной «финансовой цивилизации», подразумевающей в том числе создание в планетарном масштабе инфраструктуры, которая обеспечивает неэквивалентный обмен в форме различных финансовых механизмов перелива мирового дохода;

- глобализация риска, воспринимаемого в качестве ключевого фактора человеческой деятельности и одного из условий достижения успеха, превращение производства рисков в одно из наиболее выгодных производств, обеспечивающего самовоспроизводство и развитие силовых, политических структур и многих других институтов, таких как страховые компании, – при том, что борьба с риском, порожденным неограниченным бизнесом в условиях глобального и тотального капитализма, сама стала главным бизнесом;

- реализация принципа суперминимального государства, выражающегося на практике в отказе государственной власти от бремени заботы об обеспечении достойной жизни простых людей, что проявилось в разрушении модели «государства всеобщего благосостояния», свёртывании государственного и общественного секторов экономики, тотальной приватизации;

- вызванное дерегулированием экономики снижение доли трудовых доходов в совокупном ВВП по отношению к доле доходов от капитала, с девальвацией значимости труда, ростом безработицы, размыванием «среднего класса» и возникновением сверхнеравенства доходов (уже сейчас доходы трех человек, считающихся самыми богатыми американцами, превышают доход 50% населения США);

- люмпенизация общества, особенно сильная в странах, находящихся в авангарде Ультрамодерна, вызванная трудосберегающими технологическими прорывами и обесцениванием трудовой деятельности, ведущими к деклассированию всё большей части населения, которая теперь, с одной стороны, живёт на пособия, а с другой – более подвержена информационному воздействию медиасферы (отсюда её требования, аналогичные древнеримским - «хлеба и зрелищ»);

- встраивание государств в качестве «мезоуровня» в систему глобального управления или политическую систему мондиализма как надстройку над экономической системой глобализма, сопровождаемое диффузией суверенитета и размыванием гражданской лояльности, что провоцирует конфликт по линии «глобализм – национализм»;

- «постдемократия», отличающаяся растущей изощрённостью технологий манипулирования общественным мнением и механизмов надзора за политическим процессом, и всё больше принимающая на практике форму фасадно-демократического неототалитаризма – эти процессы соответствуют описанному А. Дж. Тойнби механизму превращения «творческого меньшинства» в «господствующее меньшинство», отныне способного обеспечить повиновение лишь при помощи силы;

- возникновение «внутреннего пролетариата», как следствие вызванного масштабной миграцией интенсивного сближения народов, находящихся на разном культурно-историческом уровне, спровоцировавшего внутри западного мира ситуацию, когда люди, живя в одном обществе, оказываются изолированными друг от друга и находятся в си-

туации конфликта (это именно те «люди, живущие в данном обществе, но не принадлежащие к нему», которых А. Дж. Тойнби назвал внутренним пролетариатом);

- противоречие между универсализмом и партикулярностью, глобализацией и фрагментацией, в т.ч. стремительный рост гиперактивности и гиперкоммуникабельности на фоне такого же стремительного увеличения внутренней эмиграции и социальной эксклюзии;

- формирование на почве глобализации противоречия между Трудом и Капиталом нового глобального социального противостояния между транснациональным правящим классом, разделяющим ценности «культуры Давоса», и оппозиционным ему классом производителей знания (или «когнитариатом»), играющим всё более значимую роль в условиях информационной эпохи;

- формирование «глобальной триады»: глобальные государства (обладающие глобальными интересами и имеющими возможность проецирования силы по всей планете), которые срачиваются с глобальными корпорациями и организациями глобального гражданского общества, противопоставляя себя остальным территориям подверженным диффузии и деградации суверенитета;

- трансформация международного права в мировое право, оправдываемая тем, что одновременно с ослаблением управленческих возможностей национальных государств снижается регулирующая роль национального права; domestikация международного права (признание его частью национального и даже закрепление приоритета норм международного права); транснационализация судебной власти, – три эти тенденции направлены на формирование правовых основ системы глобального управления;

- взгляд на насилие как высшую форму безнравственности, приведший к тому, что войны как таковые были поставлены под запрет, но фактически были заменены «полицейскими» операциями, не регулируемые правом войны, что на практике способствует превращению мира в пространство тотальной и глобальной гражданской войны;

- практика силовой глобализации как способ экспансии ультралиберализма, нашедший воплощение в подготовленной американскими «неоконами» и озвученной Дж. Бушем-младшим идее «глобальной демократической революции» посредством «смены режимов», рьяно осуществляемой демократическими администрациями Б. Обамы и Дж. Байдена и весьма напоминающей троцкистскую «перманентную революцию».

Вместе с тем, попытки реализовать ультралиберальную модель сначала на Западе, а затем и в глобальном масштабе, привели в действительности к серьёзному кризису, который следует рассматривать как кризис Ультрамодерна. Сегодня мы видим, что «проект» Ультрамодерна переживает глубокий кризис. Собственно говоря, сам факт вступления цивилизации Модерна в стадию Ультрамодерна и означает начало её глубокого кризиса, вызванного исчерпанием внутренних ресурсов Современности, доведением её идеологических установок в процессе их саморазвёртывания до абсурда. В самом деле, никто из классиков либерализма от Джона Локка до Адама Смита не мог бы и в кошмарном сне представить того, до чего в наши дни довело развитие изложенных в их трудах идей, причём развитие вполне последовательное.

Так, уже Локк сделал важный шаг в направлении разрушения традиционной семьи: его весьма интересовало в вопросе брака, «почему это соглашение, при котором обеспечено производство и воспитание потомства и наследование, нельзя сделать ограниченным – либо в зависимости от согласия, либо на определённое время, либо при определённых условиях, подобно любым другим добровольным соглашениям?» [5, с. 308]. Собственно, со временем поступили именно таким образом, а затем пошли гораздо дальше: в самом деле, если брак – это лишь юридическое соглашение, то почему кто-то ограничивает состав его участников и т.п.? В итоге семья начинает интерпретироваться как комплекс элементов, которые можно свободно менять в зависимости от результата межличностного взаимодействия.

В определённом смысле одним из первых и наиболее ярких апологетов ультралиберализма был маркиз де Сад, который не только воспел, но и попытался философски обосновать доктрину свободы, как радикальное снятие всяческих табу на проявление человеком своих физиологических инстинктов. Ультралиберальные идеи де Сада выходили далеко за рамки сферы сексуальной жизни человека. Его главной идеей было полное уничтожение всех и всяческих табу, принятых в цивилизованном обществе, анархический развал всех государственных институтов и фактическое превращение цивилизованного человека в дикое животное, которое ничем не сдерживает свои инстинкты. Таков идеал ультралиберальной свободы в его неприкрытом виде.

Поскольку Ультрамодерн – это логическое завершение процесса саморазвития либерализма как доминирующей идеологии всей цивилизации Модерна, можно ставить вопрос о том, что кризис Ультрамодерна – это важнейший симптом исчерпания всего проекта Модерна, т.е. современной цивилизации – либеральной, западоцентричной, капиталистической, талассократической, секулярной, и последующего (революционного) перехода к Постмодерну, сопоставимого по своему характеру и масштабу с «долгим XVI столетием», сформировавшим облик современного мира.

Кризис Ультрамодерна проявляется, в частности, в следующих признаках:

- завершение 25–30-летней американской политической гегемонии (1990/1991–2014/2022 гг.), по сути, совпавшей с идеологическим господством ультралиберализма, сопровождаемое началом деглобализации;

- взлзание мировой экономики и финансовой системы в перманентный кризис, ставший следствием ультралиберальной экономической политики и неэффективности предусмотренных ею механизмов регулирования глобальных финансовых рынков, – преодоление этого кризиса, вполне вероятно, уже невозможно без системной трансформации на посткапиталистической основе;

- провал стратегии мультикультурализма, лишь провоцирующей рост взаимной отчуждённости, усугубляемый стремительным разрушением нравственных оснований западной культуры посредством тотального ценностного релятивизма, что происходит на фоне происходящих в исламском мире процессов, во многом аналогичных Реформации, а в более широком контексте – в обстановке мощного подъема Незапада, демонстрирующего способность открыть новые источники культурного творчества в

широком смысле, которое сегодня сдерживается западным капитализмом;

- эрозия классических институтов западной демократии, аналогичная кризису римских республиканских институтов во II–I вв. до н.э., порождающая глубокий кризис лидерства, демистификацию власти и растущую неудовлетворенность общества политикой и политиками, когда даже приверженцев демократии охватывают усталость, разочарование и отчаяние;

- неэффективность методов социального конструктивизма, рассматривающего политику в качестве театрализованного представления, создаваемого на основании маркетинговых приемов и PR-технологий в рамках искусственной «медийной демократии»;

- делегитимизация войны (по К. Шмитту, упразднение «законного врага» и отказ от принципов ограниченной войны), приведшая к замене ограниченной войны тотальной войной, которая принимает форму «полицейских» военных операций и глобального терроризма без «линии фронта», а также «цветных революций» и различных способов реализации стратегии «управляемого (?) хаоса», создавая угрозу глобальной гражданской войны;

- кризис системы глобализма, выражающийся в несбалансированности и неэффективности её институциональной структуры, которые порождают растущее напряжение между глобальным и национальным уровнями мировой системы, что проявляется в политическом противостоянии по линии глобалисты – альтерглобалисты (неоизоляционисты, националисты);

- растущее неприятие либеральных ценностей и идей, и прежде всего ультралиберального интервенционизма, в огромном большинстве государств мира (в противоположность прежнему социальному либерализму, демонстрировавшему высокую идейную конкурентоспособность), способствующее укреплению позиций антилиберальных политических сил.

Ультрамодерн по логике вещей должен стать завершающим этапом в истории цивилизации Модерна. Постмодерн возможен лишь как преодоление Современности, отрицание оснований, структур, институтов, норм и ценностей цивилизации Модерна. Но это возможно лишь с крушением современной мировой системы, главный признак которого – утрата Западом своего центрального, господствующего положения в мировой экономике, политике и культуре, с переходом исторической инициативы в руки какой-либо незападной цивилизации или их альянса. Сегодня есть основания полагать, что начало этому процессу уже положено событиями 2022–2024 гг., связанными со «специальной военной операцией» России на Украине и процессами консолидации «глобального Юга». Однако до тех пор, пока этого крушения всё же не случилось, мир по-прежнему живёт в рамках Современности (Модерна) и только после очевидной утраты Западом господствующих позиций в мировой системе можно будет говорить о наступлении Постмодерна.

Список литературы

1. Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка / пер. с фр. А. Зайцевой; науч. ред. и предисл. В. Каплуна. – М: Новое литературное обозрение, 2007.
2. Хайек Ф. Почему я не консерватор // Неприкосновенный запас, 2001, №5(19). - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2001/5/hai.html>
3. Ротбард М. Власть и рынок. Государство и экономика. - Челябинск: Социум, 2003.
4. Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. – М.: ИФРАН, 1996.
5. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988.

Сведения об авторе

Шепелев Максимилиан Альбертович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь.

E-mail: ma_shepelev@mail.ru

Shepelev M. A.

RADICAL LIBERALISM AND THE CRISIS OF ULTRAMODERNITY

Abstract: *The article substantiates the thesis that the Modern civilisation is ideological, the dominant ideology in it is liberalism, and the development of this civilisation as a whole is determined by the development of liberalism, which in the last third of the 20th century entered the stage of radical liberalism (ultra-liberalism). The global and total expansion of ultra-liberalism is the essence of the Ultramodern era. The Ultramodern is bringing the 'project' of Modernity to its logical conclusion, to its historical limit and self-denial, just as ultraliberalism as the dominant ideology of the Ultramodern era means bringing the postulates and aspirations of classical liberalism to the extreme. The crisis of the Ultramodern is the most important symptom of the exhaustion of the entire project of Modernity, i.e. modern (liberal, Western-centric, capitalist, thalassocratic, secular) civilisation.*

Keywords: *ideology, the Modern ideological civilisation, liberalism, radical liberalism (ultra-liberalism), the Ultramodern, the West.*

References

1. Rozanvallon P. Utopicheskiy kapitalizm. Istoriya idei rynka / per. s fr. A. Zaytsevov; nauch. red. i predisl. V. Kapluna. - M: Novoye literaturnoye obozreniye, 2007.
2. Khaiyek F. Pochemu ya ne konservator // Nekontaktnyy zapas, 2001, №5(19). –

- [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nz/2001/5/hai.html>
3. Rotbard M. Vlast' i rynek. Gosudarstvo i ekonomika. – Chelyabinsk: Sotsium, 2003.
 4. Pormozer G. Krizis liberalizma / Per. s nem. – M.: IFRAN, 1996.
 5. Lokk Dzh. Dva dogovora o pravlenii // Lokk Dzh. Sochineniya: V 3 t. – T. 3. – M.: Mysl', 1988.

Shepelev Maximilian Albertovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

E-mail: ma_shepelev@mail.ru